

ПОСЛЕДНЯЯ ВОЛЯ ЛОМОНОСОВА

Несколько лет назад Академия наук СССР предприняла издание сочинений Ломоносова, наиболее полное из всех когда-либо осуществленных. К настоящему времени вышло уже семь томов, охватывающих все главнейшие труды Ломоносова в области естествознания, истории, географии, филологических наук.

Все факультеты «первого русского университета», каким, по крылатому слову Пушкина, был Ломоносов, теперь налицо в возможно полном составе. Мы коснемся здесь лишь одного факультета — филологического, представленного с таким блеском работами Ломоносова по теории русского стихосложения, языка и стиля, его «Грамматикой» и «Риторикой». Трудно переоценить историко-культурное значение этих памятников, собранных воедино в седьмом томе Полного собрания сочинений Ломоносова. Эти труды служили для многих поколений русских людей источником их литературного образования.

«Риторика» Ломоносова, явившаяся первой в нашей стране печатным руководством по теории литературы и ораторскому искусству, не утратила своего значения и для нашего времени. Мысли, высказанные Ломоносовым, требовавшим от поэта и оратора служения родине, знания дела, простоты, ясности и мастерства, будут интересны советскому читателю. Ломоносов рассыпал в «Риторике» много афоризмов, метких сравнений, пословиц и метафор, включил в своем переводе много отрывков из произведений писателей разных времен и народов — от Демосфена до Эразма Роттердамского, от Вергилия до Камюэнса — и таким путем знакомил и сближал русского читателя с мировой культурой.

Поэтому новейшее издание филологических трудов Ломоносова представляет широкий интерес, тем более, что оно отличается некоторыми, на наш взгляд, загадочными или, во всяком случае, любопытными особенностями.

Мы узнаем, например, что «Риторика» Ломоносова напечатана не просто по такому-то изданию, как это сообщается обычно, а по экземпляру, хранящемуся в Библиотеке Ака-

демии наук под шифром: $\frac{1748}{5a}$. На титуль-

ном листе этого экземпляра, как и на многих других, значится 1748 год, но экзем-

пляр этот особенный, ибо на нем обнаружен «водяной знак» — «1764», а следовательно, эта книга является последним прижизненным изданием «Риторики» Ломоносова и должна быть положена в основу советского академического издания. Г. П. Блок, подготовивший этот том к печати в сотрудничестве с В. Н. Макеевой и под верховным наблюдением особой редакции, добросовестно разъясняет:

«По академическому обычаю того времени, не раз сбывавшему с толку даже опытных библиографов, на титульном листе издания 1765 года был выставлен тот же 1748 год, что и на титульном листе первого издания. Посвящение Петру III, к тому времени давно уже свергнутому и убитому, было, разумеется, исключено. Выброшены были и внесенные в университетское издание стихи на Петров день 1759 г., где упоминался тот же Петр (см. выше, стр. 318, § 270, сноска в). вновь введены в текст те стихотворения Ломоносова, которые, попав в свое время в первый том университетского издания, не вошли поэтому во второй том последнего, содержащий «Риторику», и были заменены там ссылками на первый том (см., например, § 270, сноска в, § 273, сноска ж и др.)» (т. VII, стр. 808—809).

Нахождение этого примечательного экземпляра возмещается как научное открытие большой важности (стр. 777), обеспечившее возможность впервые дать в руки читателя ломоносовскую «Риторику» «по тексту издания 1765 года, отразившего последнюю волю автора» (стр. 809. Подчеркнуто нами. — А. М.).

Однако сведения, сообщаемые о характере самого текста новообретенной «Риторики», а следовательно — и последней воли ее автора, поражают некоторыми странностями. Оказывается, при издании этой книги в 1765 году «дело не ограничилось» только «частью цензурными, частью объективно необходимыми изменениями. Достоинно внимания, что, переиздавая перед самой смертью свою «Риторику», Ломоносов отказался не только от всех вообще «сочинительских исправлений», какие ввел шесть лет назад в университетское издание, но и от некоторых из тех, иногда значительных поправок, которые внес семнадцать

лет назад, когда правил корректуру первого издания (см., например, §§ 148—151). Книга набиралась по типографскому тексту уже известного нам корректурного комплекта 1747—1748 гг. с учетом не всех, а только некоторых тогдашних поправок Ломоносова» (стр. 809).

Не странно ли, что Ломоносов неожиданно снял не только все поправки, вносившиеся им на протяжении семнадцати лет, но и пожелал даже сохранить первоначальные погрешности издания 1748 года?

Мы сравнили пять экземпляров «Риторики» Ломоносова, хранящихся в Библиотеке Академии наук СССР в Ленинграде. Из них первый (шифр: $\frac{1748}{5a}$) был положен в основу из-

дания «Риторики» в VII томе Полного собрания сочинений Ломоносова. Второй и третий, отпечатанные на русской бумаге 60-х годов (водяной знак «ГКС» — граф Карл Сиверс), но несколько иного качества, чем первый

(шифры: $\frac{1748}{3}$, инв. № 203 д.), четвертый, отпечатанный на бумаге с водяным знаком иностранной фабрики (шифр: $\frac{1748}{4}$) и пятый,

с отчетливо видным на стр. 39—40 водяным знаком «1742» и с посвящением великому князю Петру Федоровичу (инв. № 201 д.). Нет никакого сомнения, что по крайней мере последний экземпляр издан в 1748 году. Все эти пять экземпляров «Риторики», отпечатанные на разной бумаге, обладают одинаковым титульным листом с выставленным на нем 1748 годом. У них одинаковый размер набора, одинаковые концовки, одинаковые печатки, одинаковый список «погрешностей» и даже одинаковые печатки и неточности в списке «погрешностей». Приведем начало этого списка.

Страницы	Строки	Напечатано	Читай
5	14	стихи	стихами
43	13	смерти, детей	смерти детей
86	1	но только	только
29	51	слушателем	слушателям
174	32	тебя чтить	чтить тебя

«Достоиню внимания», что в списке «погрешностей» даны во всех пяти экземплярах неправильные указания на некоторые страницы и строки (например, стр. 29, строка 51 вместо стр. 92, строка 31; стр. 174 вместо 114, где находятся указанные печатки).

Невозможно предположить, что Ломоносов в 1765 году мог настаивать на сохранении подобных «особенностей» прежнего издания. Как будто в последний год жизни М. В. Ломоносов заботился не о том, чтобы внести в новое издание новые глубокие мысли, а о том только, чтобы сохранить все печатки и погрешности. Такой психологический феномен нуждался по крайней мере в большем объяснении, которое отсутствует в академическом издании.

А все дело в том, что «новое» издание 1765 года тютелька в тютельку повторяет

первое издание «Риторики» 1748 года и притом по дефектному, не выправленному даже в свое время экземпляру. Поэтому не было нужды ни «выбрасывать», ни «вводить вновь» отдельные стихи. Все так и было изначально! Если бы Ломоносов и впрямь производил подобные «перестановки», то мыслимо ли предположить, чтобы он оставил неприкосновенными корректорские и прочие погрешности, нуждавшиеся в исправлении и уже выправленные им в «Риторике», составившей второй том собрания его сочинений, изданный в 1759 году Московским университетом. Вряд ли можно сомневаться, что не Ломоносов отказался в 1765 году от всех «сочинительских исправлений», внесенных им в издание 1759 года, а ему фактически отказали в них, механически воспроизведя невыправленную старую «Риторикку».

Но нынешние издатели «Риторики» некоторым образом даже превзошли своих далеких предшественников XVIII века. Те, по крайней мере, выставили на титульном листе все тот же 1748 год, указывая этим, что хотя книга и дорепечатывается на бумаге более позднего происхождения, она все же является простой перепечаткой, а не объявила ее новым изданием, как это сделано без малого через двести лет.

Наука, разумеется, идет вперед! Вырабатываются строгие принципы издания текстов русских писателей и ученых. К числу таких принципов принадлежит и принцип печатания текста по последнему прижизненному изданию. Но можем ли мы следовать одному принципу, нарушая другие, столь же важные? Ведь кроме публикации текста по последнему прижизненному изданию существуют, на наш, по крайней мере, взгляд, еще и принципы полноты, надежности, достоверности и исправности текста.

Разве простое протокольно-канцелярское установление даты напечатания снимает все текстологические вопросы и проблемы? Нам кажется, что такие вопросы должно решать по существу, по всей совокупности фактов после критического анализа самого текста, а не брать любой текст, *каков бы он ни был*, лишь бы на нем стоял штамп «последнего прижизненного издания».

Имеем ли мы право считать простую перепечатку последней прижизненной публикацией, если под этим разумеется издание последней авторской руки, а не последнего прижизненного сорта бумаги? Можем ли мы, упершись лбом в «водяной знак», фетишизировать экземпляр новообретенной «Риторики» и объявлять его выражением последней воли автора?

Таким образом, уже сам выбор текста, положенного в основу издания, представляется сомнительным.

Но допустим, что такой педантизм оправдан. Тогда, как нам кажется, мы вправе требовать такого же, если не большего педантизма по отношению к самому тексту. Однако в этом смысле как раз седьмой том Полного собрания сочинений Ломоносова наиболее неблагоприятен. Текст «Риторики» в этом издании не точен даже по отношению к эк-

земляру, положенному в основу. Тому при-
меры:

В оригинале В академическом
1748 года издании

(по экземпляру

шифр: $\frac{1748}{5a}$) :

§ 27. к каждому тер-
мину приписывать	к каждому термину
приписать
§ 109. Возбуждать
любовь в слуша-
телях	Возбуждать любовь
к слушателям
§ 111. приятельми его
показывают	приятельми показы-
вают
§ 180. Течение слова	Течение слов
§ 306. В полях и в ру-
кавах связался	В полях и в рукавах
связался.

В списках опечаток седьмого тома эти
«погрешности» не значатся!

Солидный научный аппарат придает авто-
ритетность всякому изданию. Аппарат седь-
мого тома массивен и внушитель. Помимо
расположенных позади текста двухсот стра-
ниц примечаний, словаря, указателя, большое
место в книге занимают «разночтения», при-
веденные подстрочно. «Разночтения» к «Рито-
рике» приводятся по рукописи 1747 года, по
корректурному экземпляру и Сочинениям
1759 года.

На наш взгляд, приведение разночтений
оправдано и целесообразно только в том слу-
чае, если указаны все смысловые разночте-
ния или хотя бы определен принцип, по кото-
рому одни разночтения приводятся, а другие
нет. Принцип этот в издании седьмого тома
Ломоносова неуловим.

Вот, например, в § 83 отмечено разночте-
ние по рукописной «Риторике» 1747 года —
«собак» вместо «псов». Это, конечно, необхо-
димо. Точно также указано, что в Сочине-
ниях 1759 года вместо «щупаю» напечатано
«осязаю» (§ 119), а в другом месте того же
издания 1759 года вместо «представляет» —
«изображает», а вместо «искосив глаза» —
«изворотив глаза» (§ 126). Это существенно.
Указано, например, и то, что в Сочинениях
1759 года напечатано «достойное крайняя»
вместо «достойнейшее» (§ 141). И это важно!
Но нам непонятно, почему не приведены и
другие аналогичные разночтения. Например,
«зрение» вместо «взор» (§ 168 и § 170),
«страшные и сильные страсти» вместо «страш-
ные и сильные вещи» (§ 172), «знатное воз-
вышение» вместо «особливое возвышение»
(§ 189) и др.

Нам непонятно, почему во второй части
«Риторики» не указано такое разночтение, как
«чистота штиля зависит» вместо «первое за-
висит» (§ 165). Почему не указано, что в из-
дании 1759 года в том же параграфе надо
читать не «выбирание из книг хороших рече-
ний», а «выбирание из книг хороших рече-
ний и выражений». Ведь здесь Ломоносов советует
внимательно относиться не только к афориз-
мам, но и к хорошо сказанному слову (выра-

жению). Право, это не менее важно, чем
«псы» и «собаки»!

Самое удивительное, что, сообщая одно
разночтение, редакторы не указывают сосед-
него. В одном и том же § 100 указано разно-
чтение «престола» (вместо «седалища»), но
не указано «великолепные» (вместо «презряд-
ные»). Вот две строки § 141:

Хотя он у людей был в жизнь свою

презренный,
По смерти в ентаре у них стал драгоценный.

(В VII томе «ентарь» заменено на «январь»).

В издании 1759 года эти строки читаются
иначе. В академических же «разночтениях»
почему-то указана только последняя строка:

По смерти в ентаре у них же стал почтен.

Читатель может подумать, что Ломоносов
здесь «презрел» рифму, ибо не отмечено, что
и предшествующая строка читается иначе,
а именно:

Хотя он у людей был в жизнь свою презрен.

Но не будем утомлять читателя списком
опущенных разночтений. Обратим только
внимание еще на одну странность этого из-
дания (вероятно, не встречающуюся ни в од-
ном другом) — на разночтения, как бы от-
редактированные самими редакторами. Вот,
например, в § 195 указано разночтение:

Обводит дерзкою корой сестр Фаетонта
И ольхи на земли великие рождает.

Но в Сочинениях 1759 года приведенное ме-
сто читается так:

Обводит дерзкого корой сестр Фаетонта
И Ольхи на земли *высокия* раждает.

Спрашивается, какая же цена таким разно-
чтениям, такому «научному аппарату»?

Академическое издание филологических
трудов Ломоносова должно было бы учиты-
вать интересы филологов. Однако для фило-
логической работы оно не пригодно.

При издании филологических трудов Ло-
моносова приведена бесшабашная модерниза-
ция текста, вдобавок осложненная небрежно-
стью. Редакторы сплошь и рядом игнорируют
индивидуальные особенности морфологии, син-
таксиса, орфографии Ломоносова, отражаю-
щие существенные моменты в историческом
развитии русского литературного языка, а по-
сему вовсе не безразличные не только для
специалиста-филолога, но подчас и для рядо-
вого читателя.

Колебания в написаниях Ломоносова от-
ражают историческое «борение» двух стихий —
церковно-славянского книжного и русского
простонародного языка. Титаническая работа
Ломоносова привела, по меткому замечанию
Пушкина, к «счастливому слиянию» всех
жизнеспособных элементов русского литера-
турного языка. Это слияние, это проникнове-
ние живых сил русского народного языка в
омертвевшую книжную стихию происходило и
в трудах самого Ломоносова. Но в академи-
ческом издании филологических трудов Ломо-
носова следы его работы стерты и обезли-
чены. Ломоносов как бы предстает перед

нами не в одеянии своего века, а в современном пиджаке с «авторучкой», торчащей из кармашка.

Редакторы седьмого тома вовсе не считаются с такими явлениями, как характерные для Ломоносова колебания в окончании прилагательных на — *ый, ий, — ой, ей*, отражающие борьбу книжного (церковно-славянского) и русского языка, как, например:

У Ломоносова	В новом издании
§ 71. Корабль, что в тихой порт плывет	Корабль, что в тихий порт плывет.
§ 270. Как может быть, чтоб мерзлой пар Среди зимы рождал пожар?	Как может быть, чтоб мерзлый пар Среди зимы рождал пожар?
§ 217. С горящей Солнце колесницы, Низвед пресветлыя зеницы, Пространной видишь шар земной;	С горящей, солнце, колесницы Низвед пресветлые зеницы, Пространный видишь шар земной;
§ 306. Лишь только дневной шум замолк.	Лишь только дневный шум замолк.

Редакторы не сохраняют такого важного показателя русского произношения, как мягкое «р» (наряду с церковно-славянским твердым «р»). Они печатают без мягкого знака слова «верх», «верхний», «первый», «тверди», нарушая этим волю Ломоносова, который настойчиво насаждал именно русское произношение. Мы знаем, что и в современном русском произношении эта форма под влиянием орфографии практически иногда утрачивается, что может привести к ошибочному звучанию знаменитых стихов Ломоносова:

Восторг внезапный ум пленил,
Ведет на верх горы высокой.

Печатая в этом случае «на верх», редакторы как бы утверждают такое ошибочное прочтение (см. § 163).

Редакционному произволу подверглись не только фонетика и морфология, но даже лексика Ломоносова. Тому примеры:

В «Риторике» (принятой для этого издания): § 320. Сидит и ноги простирает (сидит через *ѣ*).

В VII томе академического издания: Сидит и ноги простирает.

Не только в середине XVIII века, но и позднее различались слова «сидит» и «сидит». По этому поводу еще А. Шишков писал: «Дав России толь величавый вид, столькож не хорошо сказать о ней *сидит*, сколько о курице *сидит на яйцах* («Собрание сочинений и переводов адмирала Шишкова», ч. IX, Спб, 1827, стр. 367).

Такое довольно странное обращение с лексикой Ломоносова наблюдается не только в отношении «Риторике», но и других произведений, включенных в VII том. В «Предисловии о пользе книг церковных» Ломоносов пишет «безграмотный» (от слова «грамата»), в новом академическом издании «безграмотный». Архаическое «семисот» заменено на

«семисот». «Проповедающий» изменено на «проповедающий», хотя в русском языке существуют два различных слова: «проповедывать» и «проповедать». Вспомним известные стихи Грибоедова: «Он вольность хочет проповедать».

Орфографические «вольности» редакторов седьмого тома неисчислимы. Редакторы считают возможным заменять такие формы, как «счастие» на «счастье», «дающаго» на «дающего» (в переложении псалма 145, § 273), хотя можно думать, что Ломоносов здесь отличал формы «давать» и «даяти» (сравни в «Скупом рыцаре» Пушкина — «скребающий» вместо «скребуший»).

Ломоносов писал: «олтарь», «истинна», «юриспруденция», «совмесно», «крилами», «раждается» и др. Все это стерто и обезличено в академическом издании, что по меньшей мере странно, ибо тексты писателей, относящихся к более позднему периоду (например, Радищева, Новикова), даже Гослитиздат печатает с сохранением подобных особенностей правописания.

Если мы заглянем в «Словарь Академии Российской», то во втором томе (1809) найдем слово «истинна», а в четвертом (1822) — «олтарь». Такие написания совсем не грех сохранить в академическом издании Ломоносова, тем более, что, по уверениям главной редакции, «латинские тексты сочинений Ломоносова публикуются с сохранением особенностей орфографической системы того времени» (т. I, стр. 603). Это относится и к французскому тексту, который даже не принадлежал Ломоносову, а являлся всего лишь современным ему переводом. Спрашивается, если редакция сочла возможным и необходимым сохранить не принятые в настоящее время латинские и французские особенности орфографии, то почему она не посчиталась с характерными особенностями русского языка Ломоносова?

Под натиском редакторов русский язык Ломоносова оказался беззащитным. Лица, подготовившие к печати седьмой том, не сочли нужным даже провести различие между «все» и «всё», что неуклонно проводится во всех других академических изданиях авторов значительно более позднего времени. Как, например, в таком случае прочитать ломоносовские стихи:

Грозятся купно все, что с берегу не отступят (§ 114).

Или:

Что все ты заслужил сам кровию своей (§ 117).

У Ломоносова в первом случае «ять», во втором «е».

После этого вряд ли следует говорить о таких «мелочах», как замены «обвиниши» на «обвинивши», «возри» на «воззри» и многие другие.

Непринужденно обращаясь с текстом Ломоносова, редакторы в то же время питают какую-то загадочную слабость к различным неточностям и погрешностям, которые они заботливо оберегают от правки. Как указал проф. П. Н. Берков («Вопросы языкознания», 1953, № 6), редакторы, печатая по тексту поэмной публикации 1778 года не сохранив-

шеся в рукописи «Письмо о правилах российского стихотворства», бережно перенесли в академическое издание и явную опечатку:

Одна с Нарциссом мне судьбина,
Однако с ним любовь моя...

Как правильно заметил проф. Берков, здесь надо было прочитать «однака» (в смысле — одна, одинакова и судьба и любовь). Но редакторы этого не пожелали. Пусть бессмыслица, но зато какая верность первоисточнику!

К числу курьезных небрежностей седьмого тома относится и такая. Ломоносов, как известно, не употреблял букву «э», утверждая, что «для чужестранных выговоров вымышлять новые буквы весьма невыгодное дело, когда и для своих разных произношений нередко одною понимаемся». Не худо было бы в академическом издании сохранить эту индивидуальную особенность Ломоносова в период формирования новой русской орфографии. Но редакторы предпочли заменить «е» (простое) на «э» (оборотное). Такую замену следовало уж хотя бы провести последовательно. Но вот мы читаем: «Еней», «Енеида», затем «эклога», затем «еклога» и даже сокращенно «екл» (три раза в одном § 195), «Альцей Еольский» и «стихи эольские» (в одном и том же § 268). Так, не сохраняя «разнобой» Ломоносова, отражающий исторические моменты развития русского литературного языка и правописания, редакторы вводят свой собственный, имеющий отношение разве только к печальной истории самого издания.

Водная заметка ко всему изданию от главной редакции сообщает, что произведение Ломоносова печатаются по новой орфографии, но «с сохранением всех, по возможности, особенностей, присущих языку Ломоносова» (т. I, стр. 603). Как мы видели, редакторы VII тома сохранили эти «особенности» весьма своеобразно.

В академическом издании проводится масштабное «осовременивание синтаксиса». Академическое издание щедро прибавляет свои знаки препинания и вводит новые, произвольно устанавливает пунктуацию, что иногда приводит даже к искажению смысла. Например, § 105 «Риторики» 1748 года содержит такой оборот речи: «...о том, как вы чаеете? коликою печалию удручен мучитесь?». В академическом издании это выглядит так: «...о том, как вы чаеете? Коликою печалию удручен, мучитесь?». Вместо фразы с вводным обращением и вопросительным знаком в середине, как писали в XVII веке, получилось две фразы с другим смыслом.

К тому же редакторы седьмого тома не соблюдают никакой последовательности. В одном и том же параграфе «Риторики», в одних и тех же стихах они безмятежно печатают: «Ах! Как мне кровь пролить», «Ах, нет, они мои! и ничему не винны!», «Что зыблется, мой дух? И слезы что текут?» (§ 127). Во всех этих случаях у Ломоносова после восклицательного или вопросительного знака — строчные буквы; кроме того, «нет» не выделено запятыми, запятая отсутствует и после слова «зыблется». Академическое издание не считается с тем, что для Ломоносова союз «ибо»

не был простым синонимом нашего современного «потому что». Он иногда употреблял «ибо» для создания ораторского, придонятого стиля. В таком случае перед «ибо» ставилась точка. Пример из «Российской грамматики»: «Но естли бы он Российскому языку бы искушен, то конечно, к тому присовокупил бы, что им со всеми оными говорить пристойно. Ибо нашел бы в нем великолепие Ишпанского, живость Французского, крепость Немецкого, нежность Италианского, сверх того богатство и сильную в изображениях краткость Греческого и Латинского языка». В новом академическом издании в этом и во всех подобных случаях, где у Ломоносова перед «ибо» — точка, поставлена запятая. (А в приведенной цитате, кроме того, слово «сверх» напечатано без мягкого знака, «Французского» — через «зс», а все названия языков — со строчной буквы).

Игнорируют редакторы седьмого тома и такую существовавшую в XVIII веке и употреблявшуюся Ломоносовым синтаксическую форму, при коей подлежащее включается в деепричастный оборот и не отделяется запятой. Это особенно важно для чтения стихов, ибо введение или перенесение запятой нарушает ритм стиха.

Так, мы читаем у Ломоносова:

В тополовой тени гуляя муравей,
В прилипчивой смоле увяз ногой своей.

А в академическом издании (§ 141) напечатано:

В тополовой тени гуляя, муравей
В прилипчивой смоле увяз ногой своей.

Теперь уже никто не прочтает «гуляя муравей» слитно. В стихе образуется «перенос». Стих модернизируется.

Изменение написания слов с большой буквы (у Ломоносова) на маленькие (в академическом издании) также привело в ряде случаев к искажению смысла ломоносовского текста. Так, например, в известном сочинении «О слоях земных» Ломоносов упоминает «каменные хребты и вершины, презирающие ужасную быстрину великого Океана», разумея под этим мировой Океан, омывающий сушу. В новом академическом издании (т. V) в § 120 унифицировано — «Великого океана», т. е. Великого или Тихого.

Не лишне отметить, как обращаются редакторы со слитным и раздельным написанием слов у Ломоносова. Ломоносов писал: «во след волнам», «сосед советовал в низ берегом итти», «не вечен» (человек). Во всех подобных случаях в академическом издании напечатано слитно. Однако такая сплошная унификация независимо от смысла приводит к печальным последствиям. Ломоносов требовал: «Выключаются отсюда презренные слова, которых ни в каком штиле употреблять не пристойно, как только в подлых комедиях» (стр. 588—589). «Презренные» слова в данном случае означали простонародные, презренные в высшем обществе, за допустимость которых в комедиях боролся Ломоносов, ибо слово «подлый» тогда также имело другой смысл. Слово же «непристойный» и тогда

имело приблизительно такой же смысл, как и теперь. «Пристойно» же значило — уместно, допустимо. Поэтому совершенно не одно и то же напечатать «не пристойно», как у Ломоносова, или «непристойно», как поступили редакторы.

Мы не касаемся здесь явных опечаток и случайных оплошностей этого издания, а указываем лишь на такие ошибки, которые вытекают из неправильных принципов, положенных в основу издания — неоправданной и научно необоснованной модернизации, искажающей смысл ломоносовского текста или ломающей ритм его стихов. Однако мы не можем не указать на одну особенно «взрачную» опечатку, которая украшает это издание. Тем более, что она не отмечена в списке опечаток, приложенных к седьмому тому. Опечатка эта красуется в тексте знаменитого «Памятника» Горация, впервые переложеного Ломоносовым, после которого эту тему разрабатывали Г. Р. Державин, А. С. Пушкин, В. Я. Брюсов и другие поэты. Вместо стихов Ломоносова:

Что бурный Аквилон сотреть не может,
Ни множество веков, ни едка древность...

В академическом издании напечатано:

Что бурный аквилон сотреть не может,
Ни множество венков, ни едка древность...

Эта опечатка как бы символизирует феноменальную тщательность редакторов седьмого тома.

Никакими возгласами о необходимости приблизить текст Ломоносова к современному читателю нельзя ни объяснить, ни оправдать приведенных выше примеров отклонения от текста Ломоносова. Одно дело — приближение, а другое — искажение.

Подобная модернизация обесценивает качество текстов на протяжении всего издания, но особенно выпирает, бросается в глаза и служит помехой при изучении филологических трудов Ломоносова. Это в неменьшей степени относится и к художественным произведениям, письмам и подлинным документам Ломоносова, которые должны составить еще не вышедшие томы Полного собрания сочинений. Признаемся, нас очень беспокоит их текстологическая участь!

Чрезмерная модернизация в академическом издании не способствует продвижению подлинных текстов наших классиков литературы и науки в массы. Ведь до тех пор, пока текст не будет напечатан *один раз* с максимальным соблюдением всех особенностей оригинала, не будет надежного источника для дальнейших массовых и популярных изданий.

Мы привыкли доверять текстам академических собраний сочинений русских писателей и ученых. Вряд ли необходимо особо объяснять, что академическое издание должно давать такой текст, который призван служить образцом и источником для других изданий. К сожалению, этим условиям не отвечает седьмой том Полного собрания сочинений Ломоносова, о чем необходимо предупредить читателей и исследователей.